

УДК 316.28:165.6/.8

Лидия БОГАТАЯ

**ОСВОЕНИЕ МНОГОМЕРНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ**

*«Земля пускает также пузыри,
Как и вода. Явились на поверхность
И растеклись»
У. Шекспир «Макбет».*

Отталкиваясь от размышлений современных исследователей (Д. Гольдштейн, Ж. Брикмон, А. Сокал) по поводу необходимости соблюдения строгой корректности при использовании тех или иных терминологических выражений в научных коммуникациях, автор вводит представление о коммуникациях многомерных. С этой целью рассматривается конструкция и функциональные возможности локальных и гиперпространств коммуникации. Обсуждаются основные этапы многомерных коммуникаций. Предлагается к обсуждению представление о гносеологическом императиве освоения многомерности.

Ключевые слова: коммуникация, многомерная коммуникация, гиперпространство смыслов, многомерность.

Сложно себе представить процессы образования вне коммуникации. Посредством коммуникации осуществляется передача знаний от учителя к ученику, происходит проверка эффективности усвоения и обработки полученной информации. Именно поэтому качество коммуникативных процессов непосредственно влияет на качество образования. Раскрытие новых возможностей в осуществлении коммуникативных актов, а именно – освоение многомерных коммуникаций, должно способствовать переводу образовательных процессов на принципиально новый уровень эффективности.

Источники «сдвигов сознания»

Еще Аристотель в свое время заметил, что одна из важнейших задач философии состоит в поиске *непривычного, удивительного* в том, что казалось

достаточно понятным. Именно удивление дает возможность произойти тому, что М. К. Мамардашвили называл «сдвигами сознания».

Если пытаться искать удивительное в многочисленных и многоаспектных вариантах исследования *коммуникации*, то главное удивление вызывает факт того, что количество проводимых исследовательских проектов никак не ведет к улучшению качества коммуникации. Коммуникативные сбои не только не уменьшаются, но даже возникает ощущение нарастающего глобального непонимания.

В сложившейся ситуации и в научных, и в философских кругах широко обсуждаются причины обнаруживающихся коммуникативных сложностей. В качестве одной из таких причин называется все та же языковая *неоднозначность*. Иногда даже возникает ощущение, что неудачные попытки, предпринимавшиеся, к примеру, Р. Карнапом по «расчищению» языка, так ничему и не научили его потенциальных последователей. Во многих текстах настойчиво повторяется, что смысловая неоднозначность терминов ведет к коммуникативным сбоям. Усиливающаяся дифференциация интеллектуального сообщества, формирование локальных терминологических тезаурусов складывающуюся ситуацию еще более усугубляют.

В этой связи интересно обратить внимание на статью американского исследователя Джеффри Гольдштейна, получившую достаточно большой резонанс в русскоязычном интеллектуальном сообществе («Вавилонская башня нелинейной динамики: о терминах» [1]). По причине того, что в отмеченном тексте обнаруживается достаточно типичный для современности взгляд на проблему *терминологической неоднозначности*, позиции отмеченного автора целесообразно рассмотреть более подробно.

Главный пафос Гольдштейна направлен против тенденции широкого употребления в различных культурных текстах *синергетических терминов*, смысловая нагрузка которых не всегда достаточно прояснена. В частности, автор говорит об особом «энтузиазме», с которым в современном культурном континууме циркулируют различные теории, связанные с развитием представлений о *хаосе*. Однако каждое употребление термина *хаос* требует специального уточнения: о каком именно *хаосе* идет речь? Хаос может быть *сильным*, *слабым*, можно вести речь о *грани хаоса* или *средней хаотичности*. Более глубокое понимание соответствующих терминологических нюансов зависит от того, с позиций какой именно школы исследования сложных систем имеет место толкование.

Гольдштейн называет три причины, ведущие к усиливающемуся непониманию: 1) существование различных научных школ; 2) популярная интерпретация новых терминов; 3) фигуральное или метафорическое использование терминов. Вслед за Р. Рорти, призывавшим ученых к обнаружению и

«разметыванию» метафор, Гольдштейн утверждает, что «мы путаем друг друга, когда используем термины в метафорическом значении» [1].

Достаточно широкую распространенность представленной позиции в современной интеллектуальной среде можно проиллюстрировать и иным примером. Так, многие математики в свое время были возмущены «*терминологическими злоупотреблениями, некорректностями*» Жака Лакана, который в своих психоаналитических исследованиях достаточно широко использовал отдельные термины топологии, в частности, термин *компактификация*. В весьма интересной работе двух французских профессоров физики Жана Брикмона и Алена Сокала «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна» [2] отмечается, что употребление Лаканом топологической терминологии оказывается не просто вольным, а не имеющим ничего общего с теми значениями, которые закреплены за соответствующими терминами в математике. К мнению известных профессоров интересно прислушаться и даже, вероятно, некоторые из их аргументов можно было бы принять, если бы Лакан вел свои размышления в контексте математических исследований. Однако его психоаналитические толкования осуществлялись в философском ключе, соответствующие тексты не относились к области математики. А если так, то топологические термины оказались в несвойственном для них концептуальном окружении и выступали в роли метафор с их конструктивным потенциалом, требующим последующего философского прояснения.

Как бы «вторя» Ж. Брикмону и А. Сокалу, Д. Гольдштейн рассматривает «печальную судьбу» термина *равновесие*, который стал широко употребляться в психологии, социологии (К. Левин, Т. Парсонс). Помимо этого обращается внимание на некорректности, возникающие в ситуациях, когда термины берутся «напрокат» из лексикона И. Пригожина. При этом с Д. Гольдштейном несомненно необходимо согласиться в том, что пригожинский лексикон в своем роде уникален и требует весьма аккуратного обращения.

Окончательный вывод Д. Гольдштейна заключается в следующем: прежде чем использовать те или иные научные термины в более широком культурном контексте (к примеру, термины *сложность, организация, линейность, нелинейность* и пр.), они сами по себе должны быть прояснены и уточнены научным сообществом. В противном случае, как отмечает ученый, может возникать эффект «Вавилонской башни».

Интересно то, что из всего отмеченного можно сделать и другой вывод. Но вначале сформулировать фундаментальный вопрос: так ли плох был для человечества акт *Вавилонского смещения языков*? Ведь наличие разных языков позволило об одном и том же говорить по-разному. В результате при переходе от одного языка к другому возникали множественные *сдвиги сознания*, обусловленные неожиданностью и непривычностью лексических трактовок

того или иного объекта или предметного среза. Аналогично этому, появление у научных и философских терминов новых смыслов во многом стимулирует процесс познания, а не только запутывает его. И так ли опасно употребление тех или иных терминов в несвойственных для них контекстах?

Гиперпространство коммуникации

Определенный прорыв в разрешении коммуникативных проблем может возникнуть, на наш взгляд, при введении представлений о *метанпространстве коммуникации*. Конструкцию этого пространства представить достаточно просто. Образно его можно мыслить как пространство, в котором периодически возникают, а затем и исчезают отдельные *коммуникативные пузыри* – *локальные коммуникативные пространства*. Каждый участник коммуникации входит в коммуникативный акт с собственным *локальным коммуникативным пространством*. Локальное коммуникативное пространство дает возможность четко зафиксировать значения терминов, которые употребляет тот или иной коммуникатор. Фактически в идеале в локальном пространстве смыслов закрепляется терминологическая однозначность. Вероятно это именно то, по поводу чего и ратует Д. Гольдштейн. Однако на практике отмеченное, скорее, является желаемым, нежели реально существующим. Коммуникаторов, которые четко проясняют (внутренне фиксируют) значения употребляемых терминов, можно назвать «идеальными субъектами коммуникации». Большая же часть вступающих в коммуникацию субъектов, которых вполне естественно именовать «коммуникаторами реальными», четкой терминологической проясненности не придерживаются. Именно по этой причине, когда начинается коммуникативный акт и открывается гиперпространство коммуникации, состоящее, как минимум, из двух локальных коммуникативных пространств, вполне вероятными оказываются коммуникативные сбои, причина которых заключается в различии значений терминов, употребляемых в ходе коммуникации разными коммуникаторами. В связи с отмеченным, к рассмотрению можно предложить следующую коммуникативную модель.

Все коммуникации можно условно разделить на две группы: *обыденные* и *научные*. Участники обыденной коммуникации чаще всего оперируют *словами* в статусе *понятий*. За каждым понятием закрепляется вполне определенное значение. В таких коммуникациях информация не претерпевает значительных искажений в процессе передачи. Ситуация существенно меняется, если речь идет о *научных коммуникациях*. При этом выражение *научная коммуникация* требует специального прояснения. На первый взгляд представители научного сообщества оперируют в своих размышлениях научными терминами, значения которых строго зафиксированы. Однако так происходит далеко не всегда.

Условно занятия наукой можно представить проистекающими на двух уровнях – *понятийном* и *концептуальном*. Понятийный уровень предполагает четкую фиксацию значений используемых понятий. Именно об этом уровне научной деятельности и говорит Д. Гольдштейн.

Однако, по мере того, как научный кругозор того или иного ученого расширяется, исследователь выходит за пределы той или иной научной школы, в которой формировалось его научное мировоззрение, и многие *научные понятия* начинают оборачиваться *концептами*. Под *концептами* мы понимаем *слово*, именующее концепт, на которое проецируется множество смыслов, соответствующих этому слову. Концепт предстает уже (в отличие от понятия) *многозначным образованием* (более подробно размышления по этому поводу представлены в монографии «На пути к многомерному мышлению» [3, 242–247]). Когда Д. Гольдштейн говорит о ситуациях с употреблением термина *хаос*, которому в соответствии ставятся совершенно различные значения, то он как раз и представляет употребление термина хаос в качестве *концепта*. Оперирование концептами является определенной прерогативой философов. Ж. Делез, к примеру, саму философию называл принципиально концептуальной деятельностью, деятельностью, связанной с конструированием концептов. К оперированию концептами обращаются и ученые, которые достигают определенного уровня научной деятельности, уровня, на котором достаточно понятное ранее, начинает усложняться и некоторые *понятия* естественным образом трансформируются в *концепты*. *Понятийные коммуникации* можно определить как коммуникации *одномерные* или *линейные* (за каждым понятием фиксируется строго определенное значение, которое не меняется в ходе коммуникации – подобно коэффициенту пропорциональности для линейной функции). Коммуникации, осуществляемые с помощью концептов, достаточно естественно назвать коммуникациями *многомерными*. Каждый концепт стягивает одновременно множество смыслов и этот факт приводит к тому, что соответствующая коммуникация оказывается *многоканальной* или лучше – *многомерной*.

Многомерные коммуникации (коммуникации, при которых коммуникаторы используют *слово* в форме *концепта*) и вызывают коммуникативные «сбои», раздражающих многих (Д. Гольдштейн, Ж. Брикмон, А. Сокал, ...). Однако именно многомерные коммуникации, в первую очередь, и стимулируют *сдвиги сознания*, вносят творческое начало в коммуникативный акт. Лексические некорректности Ж. Лакана, так возмущившие профессиональных математиков, фактически взрывали традиционные локальные смысловые континуумы, способствуя возникновению множества творческих импульсов.

О практике осуществления многомерных коммуникаций

Размышляя о способах реализации эффективных научных коммуникаций, следует вернуться к уже зафиксированной коммуникативной модели и более подробно остановиться на следующих ее моментах.

1. Любая научная коммуникация предполагает необходимость открытия *гиперпространства коммуникации*, состоящего из *локальных коммуникативных пространств*, привносимых (или – задаваемых) участниками коммуникативного акта. Очень важно еще раз подчеркнуть, что в локальных коммуникативных пространствах значения используемых в коммуникации терминов должны быть четко зафиксированы (*слово* выступает в статусе *понятия*). При этом одно и то же слово в *разных* локальных коммуникативных пространствах может иметь различные значения (по причине того, к примеру, что участники коммуникации относятся к разным научным школам). Факт возможного различия не должен расцениваться как внутренне заложенное препятствие для осуществления качественного коммуникативного акта, ибо участники коммуникации понимают и признают факт существования отличия тех или иных терминологических трактовок.

2. В начале научной коммуникации каждому из ее участников желательно провести прояснение значений ключевых терминов, которые используются в общем коммуникативном процессе. Фактически для коммуникаторов появляется возможность временного погружения в *локальные пространства коммуникации* ее участников, эти пространства в смысловом плане могут значительно различаться. Именно на этом этапе осуществляется подготовка к реализации *многомерного коммуникативного акта* путем погружения в специфические семантические поля.

3. Если участники коммуникации предполагают создать некий коллективный набор высказываний (коллективный текст) по итогам осуществляемой коммуникации, то во избежание искажений необходимо простроить некое *виртуальное коммуникативное пространство* или – *коммуникативный канал*, главное назначение которого состоит в том, что он призван вместить проясненные значения наиболее важных для данной коммуникации терминов. Важно, чтобы с соответствующими прояснениями согласились участники коммуникации. Фактически, *виртуальное пространство коммуникации* становится *одномерным локальным пространством* коммуникации в рамках общего *гиперкоммуникативного пространства*.

4. Параллельно с отмеченным, осуществляется *многомерный коммуникативный акт*. На первый взгляд, главным его результатом оказываются – *непонимание, несогласие* и даже в пределе – *разрушение* коммуникативных усилий, вызванное непривычностью обнаруживаемых се-

мантических связей. Метафорически можно выразиться так: в процессе многомерной коммуникации проявляются и активируют последующую работу разума некие терминологические образования, которые действуют, с одной стороны, раздражая, с другой – создают необходимый *потенциал интеллектуального напряжения*, столь важный для осуществления последующих мыслительных актов.

При продумывании написанных строк возникает некоторая ассоциация с *трагедией* и ее ролью в развитии *человека и человечества*. Эмоциональные напряжения, формирующиеся как итог переживания трагического, вызывают необходимый «огонь» трансформации для пережигания всего того, что стало ненужным. Без этих периодических «пережиганий» человек становится неспособным к восприятию нового, застывает в старых, изживших себя формах и схемах. За трагедией всегда следуют либо *катарсис*, либо *смерть*. И в одном, и в другом случае человеческое существо переходит к новому витку своего развития.

Современный цивилизационный сдвиг в первую очередь связан с переходом человечества планеты на новый этап своего развития. Достаточно естественно предположить, что этот переход стал возможен только после всех тех трагедий, которыми был насыщен XX век. Революции, войны, техногенные катастрофы, жесточайшие деспотии – это уже не выдуманные трагедии, которыми очищали себя жители античных полисов, а всетрансформирующий катарсис истории, преображающий народы и поколения. Результатом пережитого предстала способность современного человечества к восприятию нового, к примеру – освоению *многомерности* в различных ее проявлениях (в частности – многомерной коммуникации).

Многомерная коммуникация становится важнейшей составляющей любых коммуникативных актов. К сожалению, для ее обнаружения необходимо, с одной стороны, понимание особенностей организации многомерных ментальных процессов. Более подробно размышления автора по этому поводу представлены в монографии «На пути к многомерному мышлению» [3]. С другой стороны, многомерная коммуникация предполагает наличие терпимости к инаковости, к возможности существования непривычных словоупотреблений, смыслов, ракурсов обозрения и пр. Интеллектуальный *консенсус* хорош только при условии допустимости и признания важности *десенсуса*.

В одном из последних номеров журнала «Вопросы философии» опубликована статья известного современного финского философа Яакко Хинтиikki [4], пытающегося разобраться с состоянием развития современной философской мысли. В отмеченной публикации есть фрагмент, который достаточно интересен в контексте обсуждаемой темы. Хинтиikki пишет: «В последнее время философы иногда поздравляли себя с отсутствием резких, зачастую

ожесточенных споров между разными традициями, или «школами». Я не уверен, что это относительно мирное сосуществование – полностью здоровый признак. Одно из возможных объяснений этого явления состоит в том, что философы терпимы к иным взглядам потому, что не уверены в истинности своих собственных идей, или потому, что в глубине души не так уж озабочены их истинностью» [4, 8]. С первой частью приведенной цитаты можно полностью согласиться в двух моментах. Во-первых, в фиксации факта наблюдающегося роста терпимости философов, представляющих различные школы. Во-вторых, с утверждением о том, что отмеченное не является «здоровым признаком». Что же касается вывода финского логика о причинах, поясняющих наблюдающийся факт, то можно предложить и иной вариант объяснения.

В этой связи целесообразно вспомнить размышления Ф.В. Лазарева по поводу имеющего место в современной ситуации перехода от установок на «борьбу» противоположных научных мнений к установкам, связанным с поиском *компромисса* [5]. Ф. В. Лазарев поясняет проявляющуюся тенденцию расширением сферы действия *принципа дополнительности*. Противоположные мнения, рассматриваемые в единстве, обозреваемые в своей рядоположенности, способствуют появлению неожиданных решений. Борьба же, предполагающая как результат полное исключение одного из конфронтующих начал, фактически существенно обедняет, упрощает познавательную ситуацию. Но такая борьба оказывается абсолютно необходимой в условиях, когда познающий субъект *не может* одновременно удерживать в активированном состоянии достаточно различающиеся положения. По мере усиления когнитивных способностей познающих субъектов возможность одновременного удержания *существенно различного*, иногда даже противоположного, увеличивается. Фактически, появляется способность *многомерного освоения мира*.

Компромисс из коммуникативной установки на избежание спора, уклонения от борьбы переходит в статус важного методологического приема, обеспечивающего возможность осуществления многомерных мыслительных актов. Однако, как уже было отмечено, Я. Хинтикка скорее всего прав в том, что компромисс, оборачивающийся плюрализмом, игнорирование противоречий не является «здоровым состоянием». Переживание компромисса всегда вызывает напряжение. Напряжения возникают и во время многомерных мыслительных актов. Эти напряжения требуют **обязательных** последующих действий, причем действий направленных на **продолжение** мыслительных актов. С необходимостью должна произойти своеобразная ментальная «разрядка». В противном случае можно ожидать неожиданных и весьма неприятных последствий не только в эмоциональной сфере субъекта мыслительной практики, но и на физическом плане. По поводу *эмоциональности* можно обратить внимание на тематически близкие размышления Ф. Перлза по по-

воду *незавершенных гештальтов*. Невскрытое *ментальное напряжение* в виде принятого *компромисса* является своеобразной «миной замедленного действия» в том случае, если это напряжение не будет ментально же разряжено. В этой связи можно даже заметить, что обращение к многомерному мышлению **опасно** в том случае, если имеет место исключительно *имитация* многомерного ментального акта. *Мнимые* многомерные коммуникации опасны для их участников, как минимум, возможностью возникновения невротических расстройств, а возможно и более серьезными интеллектуальными повреждениями. Именно поэтому, завершая небольшой фрагмент размышлений по поводу многомерных коммуникаций, хочется отметить следующее.

Переход к освоению *многомерности* в широком смысле, *многомерных коммуникаций, многомерного мышления* – в более узком смысле требует введения некоторого императива, который можно было бы назвать – ***гносеологическим императивом освоения многомерности***. *Многомерность* – это не просто нечто завораживающее, притягивающее, интересное. Обретение многомерности это, в первую очередь, **ответственное деяние**, в противном случае возникает возможность уподобления дикарям, решившим поиграть с атомной бомбой. Из сказанного вовсе не вытекает призыв отложить занятия по исследованию многомерности до тех времен, когда уже сформируется некоторое понимание открывающихся новых законов и проявится определенная этика многомерных действий. Сложность заключается в том, что соответствующее понимание может возникнуть только как итог предпринятых *деяний*, которые, как уже было отмечено, могут быть весьма опасными. В качестве определенного выхода из отмеченной ситуации можно предложить призыв к интеграции усилий исследователей. Та новая эпоха, в которую все мы вступили, может быть названа эпохой *коллективных действий*. К сожалению, слово *коллектив* для многих из нас покрыто напластованиями достаточно противоречивых смыслов. Не вдаваясь сейчас в детальное продумывание того, что есть *коллективное действие*, важно отметить следующее. *Коллективное постижение многомерности* – это способность **откликаться** (согласием или несогласием) на мысли, высказываемые по поводу многомерности (равно как и других предметов исследования). *Гносеологический императив освоения многомерности* есть требование **деятельной воссоединенности**, позволяющей удерживаться на гребне фундаментальных культурных изменений. Соблюдение *толерантности* и призывы к *плюрализму* в современной ситуации оказываются уже недостаточными. Просто выслушать позицию другого, проявив при этом терпимость, становится неполноценным деянием. Необходим активный, деятельностный «отклик», обеспечивающий **связность** формирующейся сверхсложной коммуникативной системы. Без подобных *откликов-связей* сис-

теме грозит возможность катастрофических разрушений от неперевариваемой, неассимилируемой сложности. И именно поэтому освоение многомерных коммуникаций не только в *методологическом*, но и в *этическом* аспекте сегодня становится жизненно необходимым занятием, обеспечивающим стабильность существующего мира, формирование новых образовательных стратегий.

Литература:

1. Гольдштейн Д. Вавилонская башня нелинейной динамики: о терминах / Д. Гольдштейн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Goldstein.htm>.
2. Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / Ж. Брикмон, А. Сокал / [пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина]. – М. : «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.
3. Богатая Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. — Одесса : Печатный дом, 2010. — 372 с.
4. Хинтиikka Я. Философские исследования: проблемы и перспективы / Я. Хинтиikka; [пер. с англ. Д.Г. Лахути] / Вопросы философии. – 2011. – № 7. – С. 3-18.
5. Лазарев Ф. В. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию / Ф. В. Лазарев, А. Литтл. Брюс. — Симферополь : СОНАТ, 2001. — 264 с.

Лідія Богата. Освоєння багатовимірних комунікацій.

Відштовхуючись від роздумів сучасних дослідників (Д. Гольдштейн, Ж. Брікмон, А. Сокал) з приводу необхідності дотримання строгої коректності при використанні тих або інших термінологічних виразів в наукових комунікаціях, авторка вводить уявлення про комунікації багатовимірні. З цією метою розглядається конструкція і функціональні можливості локальних і гіперпросторів комунікації. Обговорюються основні етапи багатовимірних комунікацій. Пропонується до обговорення уявлення про гносеологічний імператив освоєння багатовимірності.

Ключові слова: комунікація, багатовимірна комунікація, гіперпростір сенсів, багатовимірність.

Lidiya Bogataya. The Exploration of Multidimensional Communications.

According to the reflections of the contemporary researchers (D. Goldstein, J.

Brikmon, A. Sokal) about the need of observing a strict correctness with the use of various terminological terms in the scientific communications the author introduces idea about the of multidimensional communications. With this aim the construction and functional possibilities of local and hyperspaces communication are examined. The basic stages of multidimensional communications are discussed. The idea about the epistemological imperative of the multidimensionality's exploration is proposed for discussion.

Keywords: communication, multidimensional communication, hyperspace of senses, multidimensionality.